

Зодчие Земли Иркутской XVIII века: Иркутские купцы и золотой век сибирского барокко

**«Собственным
иждивением и тщанием»
«Сооружен
боголюбцами»**
*Из иркутских городских
летописей*

Для Иркутска и земель в его ведении восемнадцатый век ознаменовался не только первыми каменными зданиями (1700-1710-е), первыми прибывшими из России профессиональными зодчими, первыми губернскими архитекторами по должности (А.Я. Алексеев и А.И. Лосев) и первым генеральным планом развития города (проектным, 1792). Век этот можно охарактеризовать становлением и расцветом художественного, по праву народного стиля, получившего у искусствоведов определение «сибирское барокко», или «иркутское барокко».

Постройки этого стиля всем известны – это прославившие Иркутск далеко за пределами Сибири православные храмы XVIII столетия, многие из которых сохранились до наших дней, являясь памятниками архитектуры. Всего в то столетие (буквально с 1706 по начало 1800 гг.) на территории Иркутска было построено 12 каменных городских церквей (храмы Вознесенского мужского монастыря не в счет, т.к. он располагался за пределами городской территории). По времени появления: Спасская, Богоявленский собор, Чудотворская, Знаменская женского монастыря (учитывается, т.к. она всегда была также приходской), Крестовоздвиженская, Тихвинская, Троицкая, Владимирская, Харлампиевская, Входа-Иерусалимская (первая)¹, Благовещенская (первая), Преображенская. Совпадение это или нет, но само число «12» в христианстве является знакомым.

В среднем в одно десятилетие строилось более одного каменного, притом немалого по габаритам, городского храма. Много это или нет для провинциальной столицы, численностью, к примеру: на 1700 год – около одной тысячи человек

(из них почти половины – служилые); на середину века – 4-5 тысяч жителей; на начало 1800-х – примерно 14 тысяч². Для сравнения: за прошедшие два десятка лет после пресловутой перестройки, когда городское население выросло за последние двести лет в десятки раз, в Иркутске построено только два каменных храма, один из которых католический, а православный появился в связи с трагическим событием (авиакатастрофой в Иркутске-II).

В иркутских городских летописях нередко встречаются непривычные сочетания слов: храм «сооружен боголюбцами», или «собственным иждивением и тщанием», или «усердием и капиталом». Или: церковь построена «сборным от разных боголюбцев иждивением». Странно для нас сегодня, а в те времена это было обыденным делом, когда церкви ставились на свои средства богатыми горожанами собственным старанием – посадскими, дворянами, торговыми людьми, предпринимателями да промышленниками. Попробуем объяснить эти термины (с помощью словаря С.И. Ожегова) применительно к архитектурным постройкам, к строительству: «Иждивением» – значит вкладывать свои средства, финансировать строительство, осуществлять строительство на иждивении собственного капитала.

«Тщанием», или «усердием», – непосредственно, с большим старанием организовывать и (или) осуществлять строительство или руководить им. «Брать строительный подряд» здесь не подходит, так как договоры не заключались и деньги за работу «боголюбец» не получал, наоборот – сам вкладывал свои. Но получал от первых лиц духовенства, епископата, Иркутской Духовной Консистории «Указы». Это что-то вроде благотворительного наряда, задания, или, как сегодня, – «юбилейного поручения». Указы выдавались далеко не каждому, строительство церковью доверялось только уважаемым

гражданам, имеющим достаточный и легальный, «чистый» (хотя бы официально) капитал.

Летописцы и архивные документы открывают нам некоторые имена иркутских купцов, строивших православные храмы в родном городе. Среди них наиболее прославившие себя, увековечившие свои имена: Иван Бичевин, Михайло Глазунов, Стефан Игнатьев, Яков Протасов, Иван Амосов (посадский) и другие.

Поначалу многие из них были посадскими, богатея своими и чужими трудами и переписываясь в следующие, более престижные сословия, нажитый праведными и не праведными деяниями капитал пускали на богоугодные дела. Благотворитель. Жертвователю. Добровольный дателю. Вкладчик. (Слово «меценат» появилось позже). Добровольно ли они отдавали, вкладывали крупные суммы на строительство и содержание общественно важных заведений или их таким образом светские и духовные власти принуждали «замаливать грехи»? Было и то и другое. Это не имеет значения. В любом случае они получали от этих невыгодных на первый взгляд финансовых вливаний свои немалые дивиденды в виде благожелательного отношения к ним тех же власти предрезающих, общественного резонанса, а поэтому – заключения новых коммерческих контрактов, и подобного, прибыль которых невозможно подсчитать, но она однозначно была. Но главным, думается, для жертвователей и строителей был сам процесс храмоздания и факт появления нового, радующего глаз, сердце и душу, Дома Божьего на грешной Земле. Амбиции увековечить свое имя в постройках, естественно, тоже имели место быть. Также как и был дух соревнования – не только кто больше вложит средств, но и у кого краше, наряднее получится. Далеко за пределами Сибири и России известны кураж и безудержный кутаж сибирских

купцов, которые проявлялись, слава Богу, в том числе, в виде причудливого узора барочных храмов, возводимых и финансируемых ими. Можно представить, с каким достоинством и самоуважением входили на праздничные богослужения, в окружении прихожан, в уже готовые храмы их создатели, особенно если внешний вид и внутреннее убранство отличались «благотеплым» и вызвали восхищение у горожан и приезжих.

Архитектор Б.И. Оглы в 1982 году отметил вклад иркутских купцов в храмовое строительство главного города Восточной Сибири: «Богатства, стекавшиеся в Иркутск, способствовали развитию всего городского и особенно церковного строительства. Разбогатевшее купечество вкладывало большие суммы в строительство целого ряда крупных и богатых по отделке храмов, заменивших в течение короткого периода существовавшие ранее деревянные. Купцы, жертвовавшие средства на постройку церквей, часто брали полную опеку и руководство по их возведению. Вследствие этого художественные качества построек, по-видимому, определялись не только заказчиком – Иркутским митрополитом и духовной консисторией, но и купечеством, финансировавшим строительство...»³.

В наше время, когда существует жесткое разграничение в строительстве – финансист (инвестор), заказчик-застройщик, проектировщик, подрядчик, – трудно представить, что один человек (допустим, предприниматель) может держать (и выдерживать!) такой комплекс функций, работая с крупными, ответственными объектами. Но ввиду нехватки на заре становления каменного дела в Сибири, Иркутске на протяжении всего XVIII века зодчих (архитекторов) и отсутствия квалифицированных специалистов (по современному – инженеров, конструкторов, технологов и всяких «смежников») – это было не только допустимым, но и един-

текст и современное фото
Алексей Чертилов

подбор иллюстраций
Сергей Медведев

Материалы к «Словарю
Иркутских зодчих»

Продолжение. Начало см.:
Чертилов А.К. Первые зодчие Земли Иркутской XVII века // ПБ, 2005. – № 5. – С. XXI-XXIV;
Чертилов А.К. Зодчие Земли Иркутской XVIII века // ПБ, 2005. – № 6. – С. XXII-XXVI;
Чертилов А.К. Зодчие Земли Иркутской XVIII века: Строительная миссия посла графа Рагузинского // ПБ, № 7/2006. – С. XXVI-XXIX

1. Предположительно, т.к. изображение и подробное архитектурное описание, дающее представление о стилистике первой Входа-Иерусалимской церкви, нам не известны.
2. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. – Иркутск, 2003. – С. 20, 26, 40.
3. Оглы Б.И. Иркутск: О планировке и архитектуре города. – Иркутск, 1982. – С. 17.

Чудотворская церковь в Иркутске.

Рис. 1830-х гг. Из кн.: Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 50. – СПб., 1913. – С. 114

ственно возможным действием. А отсутствие сегодняшних всевозможных, часто противоречащих друг другу строительных и ведомственных норм и требований, инспекций, раздутой бюрократической машины позволяло возводить храмовые здания собственным разумением, «вкусом и мерою», соблюдая главные епархиальные требования, связанные с церковными канонами. Но для этого рядом всегда были священнослужители, многие из которых являлись тоже, по нашей терминологии, народными зодчими.

По-видимому, поэтому композиционные, архитектурные решения построек были настолько разнообразными и оригинальными, насколько сегодня это проблематично сделать. Позже эти постройки – да – разрушались, да – переделывались, усиливались, изменялись. Да – некоторые были заменены на новые. Но ведь все равно долго служили людям. И многие из них служат доселе, более того, являются объектами культурного на-

следия, притом большинство – федерального значения. Интересно, много ли архитекторов, практикующих в наступившем XXI веке, войдут своими бессмертными творениями в XXII и XXIII столетия с подобной народной и правительственной признательностью?

Рубеж XVIII и XIX веков стал переломным в истории архитектуры Иркутска и всей Сибири. В это время происходит смена стилей – пышное барокко уступает место строгому, официально-государственному классицизму. Закончился золотой век сибирского, иркутского барокко, наступила эпоха классицизма. В новом стиле работали исключительно профессионалы, получившие специальное инженерное, архитектурное образование, а самоучки «из народа» к созданию архитектурного облика общественнозначимых зданий (храмовых, казенных и подобных) уже не допускались. Поэтому XVIII столетие стало завершающим периодом народного зодчества, проявившегося в камен-

ной культовой архитектуре, столь ценимой в наше время.

Биографические справки народных зодчих-купцов, благотворителей и строителей православных храмов, участвовавших наравне с каменщиками, церковнослужителями в создании шедевров сибирского барокко, даны в хронологическом порядке, составлены во многом по страницам различных иркутских городских летописей, а также книге И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии: XVII – начало XX века» (2000 г.) и некоторым другим источникам (см. перечень в конце).

ГЛАЗУНОВ Михаил Иванович Иркутский купец, бурмистр⁴ и президент Иркутского магистрата⁵, благотворитель, строитель (зодчий?), храмоздатель.

Михайло, сын Ивана Глазунова был деятельным и известным в Иркутске человеком. Нажитый (в том числе от каштакского промысла⁶) праведными – и, быть может, не очень – делами довольно крупный капитал употреблял, как и многие его современники-купцы, не только на собственное процветание и утеху, но и на пользу всего общества. Признательность и уважение к нему того общества выражались публично: в 1744 году, будучи еще молодым, он был избран бурмистром возобновленного в стольном граде Иркутске магистрата и в связи с этим отправлен «для свидетельства» в Москву, откуда вернулся утвержденным, но уже председателем Иркутского магистрата (Сибиряковская, Баснинская летописи).

Предположительно, Глазунов ездил в тот раз в Первостольную не только для засвидетельствования своей новой общественной должности, он еще входил в состав делегации иркутян – вместе И.С. Бичевиним (о нем см. в этой же статье) и другими видными предпринимателями, торговыми людьми, – направленной с целью подношения Елизавете I крупной суммы «от питейных сборов»: «В июне месяце отбыли из Иркутска с сорокотысячною суммою на лотке иркуцкие посадские... в кабинет Ея Величества»

(Сибиряковская, Баснинская и др. летописи).

Похоже, именно наш купец-бурмистр (председатель) открыл летописный счет каменным жилым домам (особнякам) в Иркутске. Пежемский сообщает, что в 1745 году «Построен в Иркутске частным лицом первый каменный дом. Полагают, что дом этот построен иркутским купцом Михайлом Ивановичем Глазуновым...» (по свидетельству другого летописца – Кротова, это был иркутский купец Протасов, о нем также в этой статье). Точнее, строительство иркутского первенца-особняка из кирпича в том году только началось и затянулось по объективным причинам: в городе каменное строительство было мало развито, поэтому все мастера-каменщики привлекались в первую очередь на возведение церквей и казенных зданий, квалифицированных рабочих рук и кирпича не хватало, сказывалась выванная всем этим дороговизна производства работ. Только через 16 лет работы подошли к концу, Ю.П. Колмаков в своей летописи записал: 1761 год – «Завершается строительство первого каменного жилого дома Иркутского купца Глазунова на Набережной (Береговой) улице, рядом с Чудотворской церковью».⁷

В тех же городских летописях отмечен крупный вклад М.И. Глазунова в дело установления на Земле Иркутской православия и формирования архитектурного облика города. Если тот первый каменный жилой дом в Иркутске строил действительно Глазунов, то тем более понятно, почему так долго. Дело в том, что почти одновременно со строящимся особняком, недалеко от него, он приступил к возведению крупной каменной церкви, поэтому, скорее всего, все силы, средства и строительные материалы были оттянуты на нее. Им был возведен удивительный по архитектуре каменный храм-«свеча», настоящий колосс на берегу Ангары – Чудотворский, который долгое время композиционно «организовывал» низкорослую обывательскую застройку в излучине реки. Это был храм, без которого панорама

4. Бурмистр – выборное должностное лицо органов городского сословного управления (магистрата).
5. Магистрат (или ратуша) – в Сибири: орган городского самоуправления для сословий (торгового, посадского).
6. Каштак – в Сибири шалаш, балаган в лесу, где тайком выкуривали хлебное вино (т.е. самогон), отсюда – каштакский промысел.
7. Ныне ул. Цэсовская Набережная.

Иркутска на протяжении почти двухсот лет (с середины XVIII до 30-х гг. XX века) была бы совсем иной, неполной. В 1748 году «...у Чудотворцов церковь деревянная згорела» (Сибиряковская, Баснинская летописи). «Сего же года усердием Иркутского купца Михаила Ивановича Глазунова, заложена новая двухэтажная церковь с колокольнею...» (Пежемский; по другим данным – церковь была начата в 1749 г.). Уже на следующий, 1749 год церковь во имя святых Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев была построена «...каменная с трапезною и приделом во имя Сретения Господня и освящена» (Лосев). Архитектор И.В. Калинина дала следующую оценку глазуновскому творению: «Чудотворская церковь была построена в традициях древнерусского зодчества...», она «...положила начало созданию серии своеобразных храмов сибирского барокко в Иркутске. Постройка обладала характерными стилистическими чертами, которые позднее стали доминирующими в культовом зодчестве Иркутска и определили самобытность местной школы». Объемная композиция церкви Устюжских Чудотворцев – сам храм в виде восьмерика на четверике в сочетании с высокой ярусной колокольней, соединенные

низкой трапезной – стала в дальнейшем традиционным типом церквей в Прибайкалье.⁸ Во время страшного городского пожара 1879 года этот шедевр сибирского барокко огонь чуть было не уничтожил. Восстанавливали храм по проекту священника, архитектора-самоучки(?) Г.А. Шергина, во время той реконструкции она претерпела изменения первоначального облика. В 1930-х гг. большевики закрыли, как и большинство других, эту церковь. Хотя в 1925 г. Советы здание церкви признали памятником архитектуры и оно охранялось государством, это не спасло его от окончательного уничтожения – сейчас на освященном месте (угол улиц Богграда и Цэсовской Набережной) стоит жилой дом.

Судя по исследованиям той же Калининой, иркутский купец М.И. Глазунов финансировал строительство и был создателем не только Чудотворского храма в Иркутске, но и деревянной Петропавловской церкви с отдельно стоящей колокольней в селении Тайтурка Иркутского уезда (1765 г.; ныне Усольский район; сохранилась в сильно измененном виде).⁹ Возможно, он имел отношение и к другим культовым постройкам Иркутской губернии.

Так как архитекторов в

Иркутске в те времена еще не было, можно с уверенностью предположить, что собственный дом и Божьи храмы Глазунов строил по собственному же замыслу или как минимум участвовал в создании их архитектурно-композиционного облика путем непосредственного вмешательства в производственный процесс. Ведь был он, по некоторым данным, родом из Великого Устюга (поэтому и церковь Чудотворская в честь Устюжских святых?) – древнего города, который славился своими зодчими да мастерами на ниве храмового строительства.

Когда умер Михаил Иванович, мы не знаем, но известно, что последним пристанищем на земле ему стал воздвигнутый им же храм Чудотворцев Прокопия и Иоанна, – и это справедливо. «Прах строителя покоится в ограде сей церкви, под надгробным камнем с надписью» (летопись Пежемского; к сожалению, текст надписи не приведен). Камень не сохранился. А могила, останки купца-мецената-зодчего? Сохранились во дворе жилого дома, под домом?

АМОСОВ Иван Филиппович Иркутский посадский, благотворитель, строитель-зодчий, храмоздатель.

К сожалению, нам мало что известно о нашем земляке И.Ф. Амосове, зато со-

зданное им (возможно, единственное) архитектурное произведение знают все иркутяне – и не только. Сам того, наверное, не сознавая, Иван Филиппович построил в Иркутске собственным «усердием и капиталом» один из шедевров сибирского барокко – каменную церковь на Крестовской горе.¹⁰ Исходатайствовал в 1746 году у преосвященного Иннокентия II грамоту, он в следующем (1747) году приступил к ее возведению: «В мае месяце у Креста начата строиться каменная церковь» (Баснинская, Одинцовская летописи). Строительство продолжалось неспешно – храм был готов в 1760-м. Одноэтажная Крестовоздвиженская церковь, другое, первоначальное название – Троице-Сергиевская, появилась на месте первой деревянной (рядом с ней?). Спустя полторы сотни лет, в начале прошлого столетия, искусствоведы обратили внимание на Крестовоздвиженскую церковь как на редкий образец художественной культуры сибирской провинции. Великий И.Э. Грабарь отозвался о ней в своей авторитетной «Истории русского искусства» так: «Наивное сочетание отголосков Москвы и Украины причудливо сплелось в густой узорчатый ковер, с своеобразным привкусом соседнего Востока». Менее известный Г.К. Лукомский:

8. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии: XVII – начало XX века. – М., 2000. – С. 138-139.

9. Там же. – С. 376-377.

10. Место так называлось из-за установленного еще в XVII в. на склоне Петрушиной горы, в начале т.н. Заморского тракта (давший название Заморской улице, ныне ул. Ленина), креста, у которого путники молились перед дорогой на Байкал (в сторону с. Лиственичного). Поэтому эту гору в народе также называли Крестовской, позже и сегодня – Иерусалимской.

< Крестовоздвиженская церковь в Иркутске. Фрагмент южного фасада, май 2006

Тихвинская церковь в Иркутске.

фото А.К. Гофмана, 1860–1870 гг. ОРК ИГУ

11. Оглы Б.И. Указ. соч. – С. 18.
 12. Калинина И.В. Указ. соч. – С. 142-143.
 13. Там же. – С. 106.

«Из церквей раннего московского барокко, выразившегося, однако, своеобразно на провинциальной почве, надо упомянуть об иркутских церквях... Вдали от центра России приемы и вкусы барокко дали причудливые и особенные формы; здесь много оригинальности во всем: и в куполах, и в орнаментации стен. Крестовская церковь едва ли не лучшее в этом роде, и не только в Иркутске, но и во всей Сибири... Лишь церкви Соликамска да Сольвычегодска могут сравниться с этим примером по богатству фантазии и прелести выполнения узорчатых деталей». Другой исследователь архи-

тектуры Иркутска Б.И. Оглы отметил: «...Несмотря на последующие переделки и пристройки, Крестовоздвиженская церковь сохранила свой первоначальный облик и является редким примером в истории культового зодчества, в котором так органично, в совершенно оригинальной форме нашли отражение черты и приемы соседней культуры Востока, с исключительным искусством и тактом преломленной в формах русского народного зодчества»¹¹.

Что двигало жертвователем-зодчим при создании Крестовоздвиженской церкви, кто были его «соавторы», мастера-умельцы – нам не-

ведомо. Возможно, его напарником в финансировании и возведении храма был иркутский купец Федор Щербаков (о нем см. в следующей статье), на что указывает ни один летописный и архивный документ. Но то, что Иван Филиппович Амосов, вместе с другими талантливыми иркутскими неизвестными зодчими, вписал одну из самых ярких страниц в книгу мировой архитектуры, – факт бесспорный.

БИЧЕВИН

(БЕЧЕВИН) Иван С. Иркутский купец, благотворитель, строитель-зодчий, храмоздатель.

Бичевин обладал достаточным капиталом, нажитым, в том числе, от винокурения (возможно, в чем-то незаконным), чтобы финансировать строительство крупных каменных, а потому дорогостоящих храмовых зданий. Лосев в своей летописи отметил, что в 1744-1745 годах Иван Бичевин вместе с другими иркутскими купцами ездил в Санкт-Петербург «...с прибыльной от питейных сборов сорока тысячную казною, которая купечеством объявлена для отдачи в кабинет Ея Величества» Елизаветы I («казна» была «благосклонно» принята императрицей). В 1758 Бичевину была насчитана утаенная от налогов за винокуренное производство огромная сумма в 30 тыс. рублей – самая большая среди должников Иркутска, которая составила почти 1/3 общей.

Во многом на питейные деньги и во многом благодаря И.С. Бичевину в середине XVIII века были заложены и появились великолепные иркутские каменные храмы эпохи сибирского барокко: Знаменская в женском монастыре и две в центре города – Тихвинская и Благовещенская (обе не сохранились).

В июне 1754-го «...положено основание каменной Тихвинской церкви собственным капиталом купца Бичевина. 5 числа начали копать рвы, а 12 пресвященный Софроний совершил молебствие и в основании сего храма положил первый камень... В связи с храмом каменная колокольня, с благозвучными колоколами, построена в одно

время с церковью» (Пежемский). В других иркутских летописях (Сибиряковская, Баснинская, Одинцовская): «Июня 5 дня у церкви Тихвинской Богородицы начаты на основание каменная церкви копати рвы, и по выкопанию того ж июня 12 дня во рве навалены лежни, и учинен оклад...». Здание церкви строилось почти 20 лет и было закончено уже после смерти (1759) его первого вкладчика и первостроителя Бичевина. Храм имел четыре придела, последний из которых был освящен в 1773 году.

Церковь являлась ярким представителем семейства культовых зданий сибирского барокко с характерной композицией: крупный трехсветный объем четверика храма с массивным восьмериком под куполом, завершающийся малым восьмериком и главкой. С востока примыкал двухэтажный пятигранный алтарь. «Двухэтажная трапезная... заканчивалась притвором, над которым возвышалась... колокольня, увенчанная шпилем. К ней примыкал... притвор с шатровой башенкой над входом». Последний притвор появился на месте лестницы значительно позже – в 1885-м, во время ремонта-восстановления храма, пострадавшего после большого городского пожара 1879 года.

«В архитектуре фасадов переплетались формы древнерусского зодчества и барочные элементы»¹². Советская власть объявила в 1925 г. Тихвинскую церковь памятником архитектуры, но уже в 1930-е гг. та же власть этот неповторимый объект культурного наследия снесла. У иркутян Тихвинско-Богородская церковь была наиболее почитаема, она являлась одной из самых оригинальных и нарядных архитектурных построек города. Кроме того, «Храм этот по богатству св. икон, украшенных серебряными ризами под золотом, утварью и ризницею есть первый между прочими церквами города Иркутска» (Пежемский). Сегодня на месте Тихвинского храма стоит административное здание компании «Востсибуголь».

На средства Бичевина в 1758 году заложили фунда-

^ Знаменская церковь женского монастыря в Иркутске, март 2007

Знаменская церковь женского монастыря. Фрагмент южного фасада объема храма, март 2007

менты первой каменной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, но из-за пожара строительство пришлось отложить, возобновили его лишь в 1785-м.¹³ В тех же летописях говорится, что после страшного пожара 1879 года, в 1880-е, разобрав изувеченные огнем стены первой церкви и, по-видимому, использовав фундаменты из песчаных блоков, сложенных на деньги Ивана Бичевина, на том месте был заложен второй Благовещенский храм, также на пожертвования иркутских купцов, уже в русско-византийском стиле. Вторая церковь тоже не уцелела – ее ликвидировали в роковые годы борьбы советской власти с религией, здесь сегодня располагается большой, интересный по архитектуре жилой дом ВСЖД 1930-х (ул. К. Маркса, 30). Часть фундаментов (колокольни, паперти) остались в земле нетронутыми (в сквере между домом и улицей). Может,

настало время закрепить не раз освященное место небольшой часовней (в сквере) в память утраченного храма и в честь его создателей?

Летописец Кротов за 1757 год отметил: «В Знаменском монастыре, вместо деревянной церкви, заложена каменная одноэтажная с колокольней... во имя Знамения Божия Матери... иждивением купца Ивана Бичевина, за его смертью достроена уже в 1790 г.». Другой архивный документ уточняет: «Церковь с трапезой... начата строиться... Иваном Бичевиним, по данному ему из Иркутской Духовной Консистории Указу...».¹⁴ Первый придел во имя Николая Чудотворца был освящен в 1761 г., позже появились еще три придела. Поэтому сегодняшняя композиция здания отличается от той, которую возводил и финансировал ее первостроитель купец Бичевин. Кроме того, в 1830-е к паперти было пристроено ка-

менное крыльцо главного входа. Декор фасадов храма еще напоминает древнерусское зодчество, но общая композиция и архитектурное решение уже принадлежат сибиридскому барокко. Первоначальный облик Знаменской церкви: двухсветный одноэтажный объем четверика храма, перекрытый «барочным» куполом с небольшими (друг над другом) барабанами восьмериков и венчающей их миниатюрной маковкой. К храму пристроены одноэтажные алтарь и трапезная, к которой примыкает паперть с надстройкой восьмигранной пропорциональной колокольни. Церковь закрыли в 1934-м, чудом не снесли и в 1945 году вернули верующим (по материалам И.В. Калининой и Н.Г. Торшиной)¹⁵.

Иван Бичевин не только финансировал, но и, как сегодня говорят, «вел объект» со своими поделщиками, то есть строил, руководил строительством. А если учесть,

что проектов как таковых на то время не составлялось, тем более – профессиональными архитекторами (которых попросту еще не было в Иркутске), то он мог быть и одним из зодчих храмов, создаваемых на свой капитал.

У Бичевина сложилась трагическая судьба – умер он в 1759 году от пыток в ходе жестоких допросов, учиненных приезжим из Санкт-Петербурга следователем винокурных дел П.Н. Крыловым.¹⁶ Кроме того, столичный самодур-палач «...отнял у Бичевина жемчуг, серебро и разные драгоценности... Прочее же имение Бичевина... распродано на 22,413 р. ...Дом Бичевина находился близ нынешнего музея, против гауптвахты, где ныне плац-парадная площадь. ...Развалины дома Бичевина видны были еще в 1801-[180]5 годах, когда это место обращалось в площадь и очищалось от всех строений для хлебного базара» (Пежемский).

PS. Н.С. Романов в своей третьей летописи отметил за 1909 год: «13 декабря в Тихвинской церкви по случаю исполнившегося 150-летия со дня смерти строителя храма И.С. Бичевина... совершена панихида». **ПРОТАСОВ Яков Яковлевич** Иркутский купец, степенный

14. Из описи, составленной в 1764 г. прапорщиком Давыдовым; Цит. по: Оглы Б.И. Указ. соч. – С. 17.

15. Калинина И.В. Указ. соч. – С. 106; Торшина Н.Г. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. – 1998. – № 10. – С. 24-25.

16. П.Н. Крылов – коллежский ассессор, следователь винокурных дел. Приехал в Иркутск в 1758 г. «Дерзкий подьячий своего времени..., наделавший в Иркутске неслыханные пакости и противозаконные поступки по производимому им следствию о винокурении и содержании каштаков, оставив по себе надолго самую постыдную память» (Пежемский). Это жестокое событие получило в народе название «Крыловский погром».

< Владимирская церковь в Иркутске.

фото И.И. Портнягина, 1911–1912 гг. Из кн.: Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 50. – СПб., 1913. – С.108

Владимирская церковь в Иркутске. Сохранившееся декоративное оформление фасадов алтаря. Вид с севера, март 2007

17. О деревянном Владимирском храме см. справку о Данииле в следующей статье.

18. Калинина И.В. Указ. соч. – М, 2000. – С. 111.

19. Там же. – С. 112.

20. Здание первой иркутской школы (позже – Главного народного училища) прослужило 100 лет, сгорев в июньском пожаре 1879 г. 21. Или дом строил его отец, так как младший Яков был совсем молод, в тот момент ему было лет 19-20. По летописи Пежемского, первый каменный особняк в Иркутске построил другой иркутский купец – М.И. Глазунов (о нем см. в этой же статье), называются и другие фамилии купцов.

22. Калинина И.В. Указ. соч. – С. 297-298.

23. Возможно, это был однофамилец или его родственник – необходимо уточнить; с 1787 г. эта должность называлась «городской голова».

24. Запись сделана за 5 и 6 августа 1898 г. – дни празднования столетия строительства Преображенского храма.

25. У летописца Н.С. Романова и в других источниках – Стефан.

26. Калинина И.В. Указ. соч. – С. 136-137.

(городской) голова(?), благодетель, строитель, зодчий(?), храмоздатель.

Из всех летописцев только В.А. Кротов отметил это важное для Иркутска событие: в 1775 году была заложена еще одна каменная церковь, ставшая особо приметной среди архитектурных шедевров, выполненных в стиле барокко, уже восьмая (включая Знаменскую церковь в женском монастыре), – Владимирская, вместо обветшавшей одноименной деревянной.¹⁷ Важное, потому что здание той церкви явилось самой крупной – и не только культовой постройкой – города, и оставалась такой еще целое столетие, пока в конце XIX века не возвели новый кафедральный Казанский собор. По своим габаритам это колоссальное (для провинциального Иркутска) сооружение значительно превосходило уже существовавшие к тому времени все городские храмы. Строил его на свои средства известный крупный иркутский купец Яков Яковлевич Протасов. Он не был единственным, причастным к созданию архитектурного облика здания – конечно же у него были подельники-зодчие, сведения о которых пока не обнаружены. Главный храм был освящен 5 сентября 1780-го во имя Владимирской иконы Божией Матери (Кротов), остальные три придела – позже.

«Владимирская церковь по своей архитектуре стоит несколько особняком в ряду произведений сибирского барокко. Прежде всего, она выделяется (выделялась. – Ч.А.) необычной объемной композицией с монументальным пятиглавым храмом, напоминающим зодчество Древней Руси».¹⁸ Монументальность зданию придавал внушительных размеров купеческий объем двухэтажного храма (второй этаж – трехсветный!), завершавшийся массивным двухъярусным восьмериком по его углам. Объем также крупной двухэтажной трапезной соединял сам храм с трехъярусной колокольней. «В декоре отразилось влияние местных художественных традиций. В фасадной композиции преобладают вертикальные членения, что значительно отличает

пластику данной постройки от убранства других храмов сибирского барокко...».¹⁹

После уничтожения в 1932 году беснующимися коммунистами Казанского кафедрального собора, Владимирскую церковь в 1934 году – по-видимому, потому что она осталась (опять стала) самой крупной культовой постройкой в городе – превратили в кафедральный соборный храм гонимого православного мира Земли Иркутской. Соборную функцию здание несло совсем недолго – в 1938 его закрыли, отобрали у верующих, разместив в нем в разное время клуб мединститута, швейную фабрику, Предприятие № 1 (аэрогеодезическое). Это храмовое здание, вместе с другими иркутскими церквями, в 1925 году советская власть поставила под государственную охрану в качестве памятника архитектуры (второй раз – через 60 лет, в 1985), что не помешало в послевоенное время очередным пользователям его изуродовать, превратив в бесформенную, непривлекательную постройку. Сняли завершенная, значительно надстроили и во многом попросту уничтожили роскошные фасады и интерьеры, с любовью вылепленные за 200 лет до этого местными мастерами, сделали большой пристрой с северной стороны. Тем не менее здание храма Владимирской иконы Божией Матери сохранилось до наших дней, правда (и это не красивая правда), в сильно перестроенном до неузнаваемости виде, и хочется надеяться, что оно ждет своей реставрации. В 1998 году культовое здание возвращено верующим, и, если надежды оправдаются, то, по всем правилам реставрационной науки, ему вернут первоначальный архитектурный облик, созданный талантливыми зодчими, среди которых первый в списке – его главный строитель и благодетель, иркутский купец Я.Я. Протасов.

По некоторым данным, Протасов причастен к сооружению и других важных объектов в городе. К примеру, он был организатором первой в Иркутске городской школы на Заморской улице (открыта в феврале 1781-го, позже – Главное народное училище²⁰). И, зная его как строителя, можно предположить, что

школу мог строить он же. Пока каменный храм образованки возводился (по проекту архитектора А.Я. Алексеева) на денежные средства, «собранные добровольными дателями», в числе которых, естественно, был и Яков Яковлевич, занятия проводились в его собственном доме, построенном, опять же, им самим(?). Есть версия, что это тот самый особняк, который появился первым каменным в городе: в 1745 году «Построен в Иркутске частным лицом первый каменный дом купцом Протасовым»²¹ (Кротов).

Строил Протасов не только в Иркутске, но и в губернии. Например, в селении Косостепском Верхоленского уезда (сегодня с. Косая Степь Ольхонского района) он возвел, также на свои деньги, каменную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы (1795-1804(?) гг., достраивалась, по-видимому, уже после смерти Протасова, не сохранилась), которая композиционно и в архитектуре продолжала традиции сибирского барокко XVIII века, точнее, завершала их на закате пышного расцвета: «Убранство фасадов близко по характеру к Преображенской церкви Иркутска и Успенской...» в селе Оёк.²² Думается, это далеко не все объекты, к которым приложил умелую руку и собственный капитал Протасов, возможно, в дальнейшем выявятся архивные материалы, которые позволят дополнить список его авторских построек.

Я.Я. Протасов был не только богатым купцом, строителем (и зодчим?) по призыванию, но и уважаемым иркутянином, активным общественным деятелем. Так, одно время (в промежутке 1762-1787 гг.) он избирался на высокую должность городского самоуправления – степенным головой.²³ Судя только по строительным делам, а это были его не самые главные дела, наш земляк прожил плодотворную жизнь, умер он в почтенном возрасте – на 73-м году. Из летописи Пежемского, запись за 1798 год: «Сего сентября, в 8-й день, скончался Иркутский купец Яков Яковлевич Протасов...», и далее – оценка его не скромного вклада в материальную и духовную культуру города: «...Он еСТЬ

строитель кам. Владимирской церкви».

ИГНАТЬЕВ Стефан (Степан?) Яковлевич

Иркутский купец Первой гильдии, благодетель, строитель(?), зодчий(?), храмоздатель.

В 1795 г. в конце длинной улицы, названной позже Преображенской, недалеко от реки Ушаковки (Иды) была заложена каменная церковь во имя Преображения Господня. Теплый храм ставился на новом месте, «...что в кузнечных рядах», когда-то здесь «...был дремучий лес, в котором, по преданию, Иркутские жители собирали грибы» и заготавливали бревна на строительство домов. Это был 12-й и последний построенный по счету в XVIII столетии (включая монастырскую Знаменскую церковь) каменный городской храм столицы Восточной Сибири. И, как практически все иркутские культовые здания, он ставился «усердием и капиталом» купцов-меценатов. Из второй летописи Романова мы знаем, что «Почин в деле создания Преображенской церкви принадлежал иркутским купцам Стефану Яковлевичу Игнатьеву и Ивану Никитичу Сухих, подавшим по сему прошению епископу Вениамину... и изъявившими желание пожертвовать первый 6000 р., второй 3000 р. Как производилась постройка, неизвестно...».²⁴ Запись за 1798 г. в летописи Лосева: «...каменная одноэтажная о 3 просторах церковь... постройкою кончена». Кротов: «...церковь построена усердием Иркутского купца Степана²⁵ Игнатьева». В том же году 27 июня или «Августа 10 освящен в церкви Преображения придельный храм во имя св. пророка Илии» (Пежемский, Кротов). «Другой придел во имя св. Стефана был готов лишь в 1802 г. Главный же храм был окончен лишь в 1811 г. и освящен 6 августа...» (Романов, там же). Окончательно композиция Преображенской церкви, известная нам сегодня, была завершена позже – в середине XIX века – благодаря пожертвованиям другого известного иркутского купца: «Церковная ограда... и крыльцо с северной стороны храма, а также и железная

крыша вместо первоначальной деревянной устроены в 1849 г. прихожанином Евфимием Андреевым Кузнецовым...» (Романов, там же).

Исследователи иркутской культовой архитектуры Т.А. Крючкова и И.В. Калинина не связывают имена Игнатьева и Сухих с процессом строительства, признавая за ними роль лишь организаторов и финансистов: «иждивением купца заложен храм», «был инициатором строительства» и «финансировал строительство». Думается, летописцу В.А. Кротову можно доверять, так как он был ближе во времени к тем событиям, чем мы сегодня, который недвусмысленно определил участие С.Я. Игнатьева в создании Преображенской церкви: «построена усердием купца». «Усердием» – значит был причастен к самому строительству. Производил работы или каким-то другим образом участвовал в возведении церкви? Пока архивы молчат. А вот его товарищ в богоугодном деле И.Н. Сухих, скорее всего, действительно мог быть только инициатором строительства и вкладчиком капитала (благодетелем).

Строенная на рубеже XVIII и XIX веков церковь Преображения Господня (вместе с другим иркутским храмом – первым Благовещенским) является наглядным примером смены вкусов сибиряков, начинавшим отдавать предпочтение новому модному художественному направлению, не торопясь приходившему в Сибирь – классицизму. Объемно-планировочная композиция церкви относится еще к барокко: четырехчастная в плане, четкое ярусное членение объемов храма и колокольни по вертикали, сочетание «восьмерик на четверике», «обширная трапезная... соединяет храм и высокую трехъярусную колокольню под стройным шпилем». Зато в декоративном оформлении фасадов уже присутствует явное смешение стилей: «в очень скромном фасадном декоре барочные мотивы сочетаются с элементами классицизма».²⁶ Существует неподтвержденное мнение, что проект храма выполнил наш знамени-

тый земляк, землемер, архитектор и летописец А.И. Лосев (1765-1829). Это вполне правдоподобно, так как именно в это время он занимал пост губернского архитектора (1792-1805), поэтому проектирование и строительство ответственных объектов было его прямой обязанностью, он совершенно точно «увлекался» классикой, его здания, в том числе храмовые, в этом стиле особенно хороши.

Мог ли повлиять на формирование архитектурного облика Преображенской церкви С.Я. Игнатьев в тот период, когда профессиональные зодчие брали строительный процесс в свои руки? Общая композиция храма, его выверенные пропорции, изящный силуэт говорят, что сочинял их мастер от архитектуры, но не самоучка. И в то же вре-

мя – мог, так как тогда еще жива была традиция народного зодчества. Но в любом случае Стефан Яковлевич был одним из создателей церкви Преображения Господня – достойного образца архитектуры города, ознаменовавшей переход от одного великого стиля к другому великому. Поэтому, похоже, он оказался одним из последних народных зодчих в Иркутске, участвовавших в возведении храмовых зданий такой значимости. А значимость Преображенской церкви для нашего города особая еще по одной причине – совсем рядом с ней, в ее приходе, проживали с семьями в 1840-1850 годы декабристы С.Г. Волконский и С.П. Трубецкой, определенные на поселение в наш город и оказавшие огромное влияние на его общественную и куль-

турную жизнь. Для них и их близких этот храм стал на последнем этапе сибирской ссылки главным духовным пристанищем. А вместе с другими декабристами это место на тот период стало средоточием, центром культурной жизни провинциальной столицы. Сегодня здание храма Преображения Господня на углу улицы Тимирязева и переулка Волконского является композиционным центром историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске».

Использованная литература:

Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 2. – М., 1909

Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). – Иркутск, 1911

Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии: XVII – начало XX века. – М., 2000

Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661-1940 гг. – Иркутск, 2003

Крючкова Т.А. Иркутское барокко. – М., 1993.

Летопись города Иркутска XVII-XIX в. – Иркутск, 1996

Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России. Ч. 1. – Петроград, 1916

Оглы Б.И. Иркутск: 0 планировке и архитектуре города. – Иркутск, 1982

Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. – М., 1990

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. – Иркутск, 1993

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1802-1924 гг. – Иркутск, 1994

Торшина Н.Г. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. – 1998. – № 10

Преображенская церковь в Иркутске. Общий вид с северо-запада, март 2007